

А. Н. Островский, Семейная картина

ЛИЦА:

Антип Антипыч Пузатов, купец, 35 лет.  
Матрена Савишна, жена его, 25 лет.  
Марья Антиповна, сестра Пузатова, девица, 19 лет.  
Степанида Трофимовна, мать Пузатова, 60 лет.  
Парамон Ферапонтыч Ширялов, купец, 60 лет.  
Дарья, горничная Пузатовых.

Комната в доме Пузатова, меблированная без вкуса; над диваном портреты, на потолке райские птицы, на окнах разноцветное драпирование и бутылки с настойкой. У окна, за пальцами, сидит Марья Антиповна.

Марья Антиповна (шьет и поет вполголоса).

Черный цвет, мрачный цвет,  
Ты мне мил навсегда.

(Задумывается и оставляет работу.) Вот уж и лето проходит, и сентябрь на дворе, а ты сиди в четырех стенах, как монашенка какая-нибудь, и к окошку не подходи. Куда как антиресно! (Молчание.) Что ж, пожалуй, не пускайте! запирайте на замок! тиранствуйте! А мы с сестрицей отпросимся ко всенощной в монастырь, разодемся, а сами в парк отличимся либо в Сокольники. Надо как-нибудь на хитрости подыматься. (Работает. Молчание.) Что ж это нынче Василий Гаврилыч ни разу мимо не прошел?.. (Смотрит в окно.) Сестрица! сестрица! офицер идет!.. поскорей, сестрица!.. с белым пером!  
Матрена Савишна (вбегает). Где, Маша, где?  
Марья Антиповна. Вот, посмотрите. (Смотрят обе.) Кланяется. Ах, какой! (Прячутся за окно.)  
Матрена Савишна. Какой хорошенький!

Марья Антиповна. Сестрица, посидимте здесь: может быть, назад поедет.

Матрена Савишна. И, что ты, Маша! Приучишь его, он и будет каждый день по пяти раз мимо ездить. После с ним и не развяжешься. Уж я этих военных-то знаю. Вон Анна Марковна приучила гусара: он ездит мимо, а она поглядывает да улыбается. Что ж, сударыня моя: он в сени верхом и въехал.

Марья Антиповна. Ах, страм какой!

Матрена Савишна. То-то и есть! Ничего такого не было, а слава-то по всей Москве пошла... (Смотрит в окно.) Ну, Маша, Дарья идет. Что-то она скажет?

Марья Антиповна. Ах, сестрица, как бы она маменьке не попалась!

Вбегают Дарья.

Дарья. Ну, матушка Матрена Савишна, совсем было попалась! Бегу я, сударыня, на лестницу, а Степанида Трофимовна прямехонько так-таки тут и была. Ну, за шелком, мол, в лавочку бегала. А то ведь она у нас до всего доходит. Вот вчерась приказчик Петруша...

Марья Антиповна. Да они-то что ж?

Дарья. Да! кланяться приказали. Вот, сударыня, прихожу я к ним: Иван Петрович на диване лежит, а Василий Гаврилыч на постели... или, бишь, Василий Гаврилыч на Диване. Табаком накурили, сударыня, -- не продохнешь просто.

Матрена Савишна. Да что говорили-то?

Дарья. А говорили-то, сударыня ты моя, чтобы непременно, говорит, нынче в Останкино приезжали, этак в вечерню, говорит. Да ты, говорит, Дарья, скажи, чтобы беспрерывно приезжали, хоть и дождик будет, все бы приезжали.

Марья Антиповна. Что ж, сестрица, поедемте!

Матрена Савишна. Ну, так ты, Дарья, беги опять да скажи, что, мол, приедут.

Дарья. Слушаю-с. Больше ничего-с?

Марья Антиповна. Да скажи, Даша, что принесите, мол, каких-нибудь книжечек почитать; дескать, барышня просит.

Дарья. Слушаю-с. Больше ничего?.. Ах, сударыня! я было и забыла совсем. Иван-то Петрович приказывал: да скажи, говорит, чтобы мадеры привезли; хорошо, говорит, на вольном воздухе.

Матрена Савишна. Хорошо, хорошо, привезем!

Дарья (подходит к Матрене Савишне и говорит вполголоса). Да еще, Матрена Савишна, Василий-то Гаврилыч говорит Ивану Петровичу: конечно, говорит, твое дело другое и, говорит, Матрена Савишна женщина замужняя... ну, и все такое... А Марья-то Антиповна, говорит, девушка... не то чтобы что, либо-о што. А это, говорит, полагать надо, баластво одно. И, говорит, того и гляди, что за бородача за какого-нибудь выдадут. А выходит, говорит, хлопотать не из чего. Не то что насчет чего... ну, сами понимаете... А я, говорит, человек бедный... Кабы жениться, я, говорит, непрочь. Да, говорит, не с нашим рылом да в калачный ряд. Это Василий-то Гаврилыч Ивану Петровичу говорит. Твое, говорит, дело другое. Матрена Савишна женщина замужняя... с чиновником все может случиться... зима, говорит... ну, и шуба енотовая. Как ни на есть...

Матрена Савишна. Ах ты, дура! а ты бы сказала, что, мол... Дарья (прислушиваясь). Никак, матушка, сам приехал... (Подходит к окну.) Так и есть. На крыльцо лезет. Матрена Савишна. Ну, так ты ужо сбегай, когда будем чай пить. Дарья. Слушаю-с.

Голос из передней: "Жена! а, жена! Матрена Савишна!"  
Входит Антип Антипыч.

Матрена Савишна. Что там?  
Антип Антипыч. Здравствуй!.. А ты думала, бог знает что!  
(Целуются.) Поцелуй еще... (Заигрывает.)  
Матрена Савишна (жметяся). Полно дурачиться-то, Антип Антипыч! перестань! Э! как тебе не стыдно!  
Антип Антипыч. Да поцелуй!  
Матрена Савишна. Ах, отстань ради бога!  
Антип Антипыч. Уважь! (Целуются.) Ай да жена! Вот люблю! Ай да Матрена Савишна! (Садится на диван.) А знаешь ли что, Матрена Савишна?  
Матрена Савишна. Что еще?  
Антип Антипыч. Хорошо бы теперь чайку вы-пить-с. (Смотрит в потолок и отдувается.)

Матрена Савишна. Дарья!

Входит Дарья.

Давай самовар, да спроси ключи у Степаниды Трофимовны.

Дарья уходит. Молчание. Марья Антиповна сидит за пальцами; Матрена Савишна подле нее. Антип Антипыч смотрит по углам и изредка вздыхает.

Антип Антипыч (грозно). Жена! поди сюда!

Матрена Савишна. Что еще?

Антип Антипыч. Поди сюда, говорят тебе! (Ударяет по столу кулаком.)

Матрена Савишна. Да что ты, очумел, что ли?

Антип Антипыч. Что я с тобой исделаю! (Стучит по столу.)

Матрена Савишна. Да что с тобой? (Робко.) Антип Антипыч!

Антип Антипыч. А! испугалась! (Смеется.) Нет, Матрена Савишна, это я так -- шутки шучу. (Вздыхает.) Что же чайку-то-с?

Матрена Савишна. Сейчас! Ах, батюшки, авось, не умрешь!

Антип Антипыч. Да что ж так-то сидеть! скука возьмет.

Входит Степанида Трофимовна. Дарья несет самовар.

Степанида Трофимовна. Вот пострел! Прости господи! Эка угорелая девка! Ну, что ты бежишь-то сломя голову! Ведь над нами не каплет. Да уж и ты-то, отец мой, никак с ума спятил: который ты раз чай-то пить принимаешься! Дома два раза пил да, чай, в городе-то нахлебался! (Наливает чай.)

Антип Антипыч. Что ж! Ничего! Что за важность! Не хмельное!

Пили-с. Вот с Брюховым ходили, ходил с Саввой Саввичем. Что ж! Отчего с хорошим человеком чайку не попить? А я нынче, матушка, Брюхова-то рублев на тысячу оплел. (Берет чашку.)

Степанида Трофимовна. Уж где тебе, дитятко! Самого-то, чай, кругом обманывают. За приказчиками ты не смотришь, торговлей не занимаешься. Уж какая это, Антипушка, торговля! С утра до вечера в трактире сидите, брюхо наливаете. Ох! никакого-то, как посмотрю я, у вас порядку нету. Уж вы и меня-то с пути сбили. Поутру самовар со стола не сходит до одиннадцати часов: сначала молодцов {Молодцов -- приказчиков. (Прим. автора.)} напоишь, в город

{Город -- Гостиный двор. (Прим. автора.)} отпустишь; потом ты, родимый, подымаешься: тебя-то скоро ли ублаготворишь; потом барыня-то твоя. Не то что к обедне сходить, вы и лба-то перекрестить не дадите, прости господи! Как бы жил ты, Антипушка, по старине-то, как порядочные люди-то живут: встал бы ты в четыре часа, за порядком бы посмотрел, на дворе поглядел бы, и все такое, и все как следственно, к обедне бы сходил, голубчик, да и хозяйшку-то свою поднял бы: "вставай, мол, полно нежиться-то! пора за хозяйство приниматься". Да-таки и хорошенько бы. Что смотришь-то на меня? правду говорю, Матрена Савишна, правду.

Матрена Савишна. Уж вы теперь начнете!

Степанида Трофимовна. Ах, мать моя; да ведь мной только дом-то и держится. Уж не тебе ли хозяйкой быть, сударыня! Нет, погоди, матушка, молода еще, мелко плаваешь! Ну, сама ты посуди: встаешь ты -- стыдно сказать, а грех утаить -- в одиннадцатом часу; а я-то тебя за самоваром изволь дожидаться... а я, сударыня, постарше тебя -- так-то-с. Больно барственно, Матрена Савишна, больно барственно! Уж как ни финти, а барыней не бывать, голубушка ты моя -- все-таки купчиха. Это, сударь ты мой, разрядится, мантилий да билиндрысы разные навешает на себя, растопырится, прости господи, распустит хвост-то, как павлин... фу ты, прочь поди... так и шумит! А уж ты, Матрена Савишна, как ни крахмался, а все-таки не барыня... тех же шей, да пожиже влей!

Матрена Савишна. Что ж, не в платочке же мне ходить, и то сказать!

Степанида Трофимовна. А ты, сударыня, своим званием не гнушайся.

Антип Антипыч. Отчего ж не нарядиться, коли есть во что? Ничего. Можно. Что за важность? Да она у меня как разрядится-то, так лучше всякой барыни, вальяжнее, ей-богу! Ведь те всё мелочь; с позволения сказать, взглянуть не на что нашему брату. А она-то у меня таки тово... То есть я... насчет телесного сложения. Ну, и все такое!

Матрена Савишна. Уж ты, Антип Антипыч, заврался, кажется.

Марья Антиповна. Как вам, братец, не стыдно? всегда конфузите.

Антип Антипыч. Что ж такое? Нешто я что дурное сказал? Что за важность! Иногда и не то скажешь, да с рук сходит. Я как-то вот при генерале такое словечко ухнул, что самому страшно стало: да что ж делать-то! не схватишь, да опять не спрячешь. А это я супротив той

точки речь веду, что понаряднее все-таки лучше; то есть хоть и не барыня, а все-таки... то есть, на линии... Что за важность!

Степанида Трофимовна. Знаю, голубчик, знаю. Да вот как с тобой вместе-то выедет она куда-нибудь, разоденется-то, знаешь ли, да перо-то на сажень распустит, то-то, чай, она, бедная, думает: "эко, дескать, горе мое: муж-то у меня пузастый да бородастый какой, а не фертик, дескать, какой-нибудь раздушенный да распомаженный!"

Антип Антипыч. Чтоб она меня, молодца такого, да променяла на кого-нибудь, красавца-то этакого! (Разглаживает усы.) Ну-ка, Матрена Савишна, поцелуйте-с!

Матрена Савишна целует его с притворною нежностью.

Степанида Трофимовна. Эх, дитятко, враг-то силен! Мы с покойником жили не вам чета: гораздо-таки полубовнее, да все-таки он меня в страхе держал, царство ему небесное! Как ни любил, как ни голубил, а в спальне, на гвоздике, плетка висела про всякий случай.

Матрена Савишна. Уж вы меня всегда с мужем расстраиваете: что я вам за злодейка такая!

Степанида Трофимовна. А ты, матушка, молчи лучше!

Матрена Савишна. Как же! стану я молчать! дожидайтесь!.. Я, слава богу, купчиха первой гильдии: никому не уступлю!

Степанида Трофимовна. Великая важность! купчиха ты! Видали и почище вас. Я и сама от семи собак отгрызусь...

Матрена Савишна. А все-таки молчать не заставите! Не родился тот человек на свет, чтобы меня молчать заставил.

Степанида Трофимовна. А ты думаешь, мне очень нужно! А бог с вами; живите, как знаете: свой разум есть. А уж к слову придется, так не утерплю: такой характер. Не переделаться мне для тебя...

Молчание. Все сидят надувшись.

Да вы у меня и Машутку-то вот избаловали совсем.

Антип Антипыч. А что, Маша, хочешь, я тебе жениха найду?

Степанида Трофимовна. Давно бы тебе пора хватиться-то: ты, кажется, и забыл, что у тебя сестра девка на возрасте.

Марья Антиповна. Что вы, маменька! всё "на возрасте да на возрасте!" Мне ведь не бог знает сколько.

Степанида Трофимовна. Полно модничать-то, сударыня! Я по четырнадцатому году замуж шла; а тебе ведь -- стыдно при людях сказать -- двадцать лет.

Антип Антипыч. Хочешь, Маша, Косолапова посватаю?

Марья Антиповна. Ах, братец, да от него и в мясоед всегда луком пахнет, а в пост-то так просто ужась.

Антип Антипыч. Ну, Перепяткина: чем не жених? (Смеется.)

Марья Антиповна. Да вы, братец, это нарочно мне все уродов навязываете.

Антип Антипыч. Что ж. Ничего. Хорошие женихи, Маша, хорошие! (Смеется.) Важные женихи!

Марья Антиповна. Да вы это все насмех! (Чуть не плачет.)

Степанида Трофимовна. Да ты полно зубы-то скалить! Я дело говорю, Антип Антипыч! Что балясничать-то! А ты, сударыня, не бойся; женихи найдутся, любовы выбирай: ты у нас ведь не голь саратовская, невеста с приданым. Только за благородного не отдам... ты и не думай, и не воображай себе.

Антип Антипыч. Уж будто, матушка, промежду благородных-то и путных нет совсем. Нет, что ж, бывают. (Смеется.)

Степанида Трофимовна. Как, батюшка, не быть: во всяком сословии есть. Да уж всякому свое. Отцы-то наши не хуже нас были, да в дворяне не лезли.

Антип Антипыч. Что же, отчего за благородного не отдать? Ничего. Можно. Что за важность!

Степанида Трофимовна. Эх, голубчик! хороший-то, который постепеннее, не возьмет: тому надо маломало сотню тысяч, а то две, либо три; ну, а другие, так хоть бы их и не было совсем. Только что чванится собой да благородством своим похваляется: "я-де благородный, а вы мужики"; а сам-то ведь голь какая-нибудь, так, выжига, прости господи! Знаю я их. Вот Лопатиха за благородного отдала, не спросись добрых-то людей. А я еще тогда самой-то говорила: "Эх, Максимовна, не садись, мол, не в свои сани: вспомнешь ты меня, да поздно будет". Так что ж? -- "Я, говорит, детищу своему не враг; хочу, говорит, как всё к лучшему; все-таки, говорит, благородный, а не купец; может и дослужиться, и в чины произойти". Да вот теперь, хватъ-похватъ, ан дыра в горсти. И близко локоть-то, да не укусишь. Деньжонки-то, что дали, которые пропил, которые в картишки проиграл, сердешный! (издыхает.) Я и

на свадьбе-то была: банкет такой сделали, упаси господи! Покажите, говорю, жениха-то. Что ж, сударь ты мой, вот как теперь гляжу: маленький да гнусенький такой, да фрачишко-то на нем этот натянут короткохвостый, весь как облизанный. Да вертится, прости господи, как бес какой, на месте не посидит. И на жениха-то не похож; чужой человек и не узнает, ей-богу, не узнает. Только фалдочки трясутся. Тут же я и подумала: знать, мол, вы, сердешные, хуже-то не нашли!

Смеются все.

Да нечего и говорить: всякий знает. Ну, положим так: не все же пьяницы, попадается и трезвый человек... так он тебя табачищем одним из дома выкурит, либо -- грешное дело -- по постам скоромное лопают. (Плюет.) Фу ты, мерзость какая, прости господи!.. Так кто их знает, может, они по службе-то своей, у должности, и хорошие люди, дельные, да нам-то, сударь ты мой, дело неподходящее. То ли дело, Маша, купец-то хороший!

Антип Антипыч. Знаешь ли, Маша, гладкий да румяный вот как я. Уж и любить-то есть кого, не то что стракулист чахлый. Так ли, Маша, а?

Марья Антиповна. Да что вы, да я не знаю... (Потупляет глаза.)

Антип Антипыч. Пора не знать! Ну, вот Матрена Савишна знает... Правду я говорю, Матрена Савишна, ведь купец лучше, а?

Матрена Савишна. Уж ты наладишь одно и то же!

Степанида Трофимовна. Что ж, Маша, известное дело: уж и приласкать есть кого.

Марья Антиповна. Ах, маменька! Да что вы, ей-богу! Я уйду. Пойдемте, сестрица. (Убегает, за ней Матрена Савишна.)

Антип Антипыч. Так-с. Да уж ведь не отбегаешься.

Степанида Трофимовна. Стыдно стало, Антипушка: дело девичье.

Антип Антипыч. Что ж! и за купца можно. Отчего не отдать? Дело хорошее!

Степанида Трофимовна (подвигается и говорит вполголоса). А вот. Антипушка, мне кума Терентьевна сказывала, Парамон Ферапонтыч жениться задумал, невесту ищет. Вот упускать-то, Антипушка, не надо. Что ж, признаться сказать, он хоть и старенок, и вдовый, да денег-то, Антипушка, больно много -- куры не клюют. Ну, да и человек-то степенный, набожный, примерный купец, в уважении.



Антип Антипыч. Только, матушка, уж больно плут.

Степанида Трофимовна. Ах, батюшки мои! Да чем же он плут, скажи, пожалуйста? Каждый праздник он в церковь ходит, да придет-то раньше всех; посты держит; великим постом и чаю не пьет с сахаром -- все с медом либо с изюмом. Так-то, голубчик! Не то, что ты. А если и обманет кого, так что за беда! не он первый, не он последний; человек коммерческий. Тем, Антипушка, и торговля-то держится. Не помимо пословица-то говорится: "не обмануть -- не продать".

Антип Антипыч. Что говорить! Отчего не надуть приятеля, коли рука подойдет. Ничего. Можно. Да уж, матушка, ведь иногда и совесть зазрит. (Чешет затылок.) Право слово! И смертный час вспомнишь. (Молчание.) Я и сам, коли где трафится, так не хуже его мину-то подведу. Да ведь я и скажу потом: вот, мол, я тебя так и так, помазал маненько. Вот в прошлом году Савву Саввича при расчете рубликов на пятьсот поддел. Да ведь я после сказал ему: вот, мол, Савва Саввич, промигал ты полтысячки, да уж теперь, брат, поздно, говорю, а ты, мол, не зевай. Посердился немножко, да и опять приятели. Что за важность!.. Да недавно немца Карла Иваныча рубликов на триста погрел. Вот смеху было! Матрена Савишна тряпья разного у него из магазину забирала, а он мне счетец и выписал тысячи в две.

Степанида Трофимовна. Что ты говоришь! какова!

Антип Антипыч. Что ж! Ничего. Пусть щеголяет! А вот я думаю: неужли, мол, немцу все деньги отдать. Как же, мол, не так! нет-с, жирно будет. Вот и не додал ему рублей триста с небольшим. Остальные, говорю, мусье, после. Хорошо, говорит, хорошо, как путный. Да потом, сударыня ты моя, и начал он приставать. Как встретится, так только и слов у него: а что ж деньги? Надоел до смерти. Как-то под сердитую руку подвернулся этот немец. Что ж, говорит, деньги? Какие, говорю, деньги? я тебе, брат, отдал давно, и отстань ты от меня, Христа-ради. Вот и взбеленился мой немец. Это, говорит, купцу нехорошо; это, говорит, фальшь; у меня, говорит, в книге записано. А я говорю: да ты чорт знает что там в книге-то напишешь -- тебе все и плати! Так, говорит, русский купец делает, немец никогда; я, говорит, в суд пойду. Вот и толкуй с ним, словно больной с подлекарем! (Смеются.) Поди, я говорю, -- немного возьмешь! Поташил в суд. Что ж, матушка! ведь отперся, право, отперся. Говорю: знать не знаю, я ему заплатил. Что ж такое, что за важность!.. Уж что с этим немцем смеху было -- беда! Так и

таращится: это, говорит, бесчестно! А я ему после-то и говорю: я бы тебе и отдал, Карл Иванович, да деньги, говорю, брат, нужны. Наши-то рядские животики надорвали со смеху. (Смеются.) А то все ему и отдать? да за что это? Нет, уж опосля честь будет. Они там ломают цену, какую хотят, а им сдуру-то и верят. И в другой раз то же сделаю, коли векселя не возьмет. Так я, матушка, вот как. А Ширялов-то -- да это словно жид какой: отца родного обманет. Право! Так вот в глаза и смотрит всякому. А ведь святошей прикидывается.

Ширялов входит.

А! Парамон Ферапонтыч! здравствуйте, почтеннейший!

Ширялов. Здравствуйте, любезные! (Кланяется.) Антип Антипыч!

Здравствуй, голубчик! (Целуются.) Матушка Степанида

Трофимовна, здравствуйте. (Целуются.)

Антип Антипыч. Садись, Парамон Ферапонтыч!

Степанида Трофимовна. Садитесь, батюшка!

Ширялов (садится). Как, матушка Степанида Трофимовна, поживаете?

Степанида Трофимовна. Плохо, батюшка! старость приходит. Вас как бог милует?

Ширялов. Что, матушка Степанида Трофимовна! На прошлой неделе притча сделалась: так схватило, что боже упаси. Испугался шибко, больно перепугался. Этак, сударыня ты моя, лом в костях сделался; вот так тебе каждую косточку больно, каждый суставчик; коробит, сударыня ты моя, да и на поди. За грехи, матушка, господь человека наказывает, испытание посылает. А пуще, мать ты моя, поясницу схватило.

Степанида Трофимовна. Дело не молодое, батюшка!

Ширялов. Я туда-сюда, так-сяк -- нет, сударыня ты моя: отпустит этак немножко, да опять схватит. Даже под сердце подкатило.

Степанида Трофимовна. А, батюшки!

Антип Антипыч. Да ты, Парамон Ферапонтыч, не хватил ли где этак через силу с приятелями?

Ширялов. Нет, отец ты мой, больше месяца ничего не пил, в рот не брал, Степанида Трофимовна! То есть не то чтобы я бросил совсем; а так, погожу, мол, маненько. А зарок не давал. Нельзя, матушка: человек слаб есть, сказано.

Степанида Трофимовна. Что говорить, батюшка!

Ширялов. А я так, любезные, думаю: простудился, мол, я; как-нибудь на улицу, что ли, раздевшись вышел либо в саду гуляешь в рубашке вечером.

Степанида Трофимовна. Долго ли до греха, батюшка, долго ли! Чайку не хотите ли, Парамон Ферапонтыч?

Ширялов. Покорно благодарствуйте. (Кланяется.) Сейчас пил, матушка, сейчас пил.

Степанида Трофимовна. Э, батюшка, выкушайте, что за счеты!

Антип Антипыч. С нами-то за компанию.

Ширялов. Плошечку пропустить можно-с.

Степанида Трофимовна наливает. Ширялов берет чашку, пьет и продолжает.

Что ж, сударыня ты моя, какое я средство избрал. Что, думаю себе, микстуры эти! просто дрянь, даром деньги берут. Да и никогда я, матушка, этими микстурами не лечился; этого греха на душу не брал. Дай-ка, думаю, я в баню схожу. Вот и пошел, сударь ты мой, да винца послал купить полштофчика, да, мать ты моя, знаешь ли, красного перцу стручкового два стручка. Вот добрым порядком составили эту специю. Половину-то выпили, а то велел себя вытереть. Да приехавши-то домой, пунштику выпил. Ночью-то, сударыня ты моя, меня в пот и ударило. Так потом и прошло.

Степанида Трофимовна. Что ж, батюшка, бывает. Вот у меня Антипушка все пунштом лечится.

Антип Антипыч. Это, брат, ото всякой болезни прибежище -- запомни ты мое слово.

Ширялов ставит чашку.

Степанида Трофимовна. Выкушайте еще чашечку!

Ширялов. Нет, увольте. (Кланяется.) Много доволен, Степанида Трофимовна, много доволен.

Степанида Трофимовна. Э, батюшка, без церемонии... (Наливает.) Как делишки?

Ширялов (берет чашку). Слава богу, Степанида Трофимовна, помаленьку. Одно у меня горе: Сенька совсем от рук отбился. Что

ты будешь делать? Ума не приложу. То есть истинное наказание божеское.

Антип Антипыч. Что, закутил?

Ширялов. Нет, хуже, Антип Антипыч, хуже. Как бы вапивал, так бы еще не велика беда, сударь ты мой: много ли он пропьет? А то мотает не в свою голову. Вот, матушка Степанида Трофимовна, детки-то нынче!

Степа вида Трофимовна. А сам ты, Парамон ферапонтыч, виноват; избаловали вы мальчишку так ни за копейку. Вы бы ему с малолетства воли-то не давали, а уж теперь поздно. Пусть бы с молодцами в город бегал, приглядывался да руку бы набивал, так бы лучше было.

Ширялов. Ах, матушка Степанида Трофимовна! Ведь он у меня один. И то подумаешь: надо малого в люди вывести. Нынче, матушка, не то время, как мы бывало: играешь до осьмнадцати лет в бабки, а там тебя женят, да и торгуй. Нынче неученого-то дураком зовут. Ишь ты, все умны стали. Да и то, Степанида Трофимовна, ведь у нас состояньице порядочное, бог благословил. Что хорошего станут говорить, что от этакоего, мол, капитала одного сына воспитать не мог? Да и хуже-то других быть не хочется.

Послышишь: тот сына в пиньсион отдал, другой отдал, тот в Коммерческую акедемию. Вот и свезли Сеньку в пиньсион. За год вперед деньги отдал. А он месяца через три, сударыня ты моя, убежал. Стали дома учить, учителя нанял дешевенького. Учитель какой-то оглашенный попался, вовсе не путный, сударыня ты моя! Сенька-то выпросит у матери деньжонок, да с учителем-то либо в трактир, либо к цыганкам в Марьину рощу и закатятся... Прогнал учителя, прогнал, да вот теперь и маюсь с Сенькой-то. То есть господи! господи! что это нынче за люди стали, так, какие-то развращенные!

Антип Антипыч. Выучил на свою голову. (Смеется.)

Ширялов. Да что! поминутно плачу за него, поминутно: тому сотню, тому две; портному тысячу рублей недавно заплатил. Легко ли дело! да я в десять лет на тысячу-то рублей не изношу! А у него фрак -- не фрак, жилет -- не жилет. То есть истинно по грехам бог наказывает! (Почти шопотом.) Одних перчаток прошлую зиму на триста рублей забрал -- ей-богу, на триста!

Степанида Трофимовна. А! батюшки!

Антип Антипыч. Вот голова-то!

Ширялов. Да ведь вот что: везде ему верят, -- знают, что заплачу, В трактире в каком-то тысячи четыре должен. Тут никакого капитала нехватит... (Пьет чай молча.) Что, Антип Антипыч, сказывал я тебе или нет?

Антип Антипыч. Про что?

Ширялов. Про армянина.

Антип Антипыч. Нет; а что?

Ширялов. Комедия, сударь ты мой! (Смеется, по-двигается и говорит шопотом.) Вот наехал, государь ты мой, в прошлом году этот армянин. Продал шелк; завертелся туды-сюды, вот не плоше Сеньки моего. Стали в городе поговаривать, что, мол, тово. А у меня, сударь ты мой, векселей его тысяч на пятнадцать. Вижу, дело плохо. Уж в городе, брат, не сбудешь: нет, сметили. Вот приезжает наш фабрикант. У него фабрика-то на городу где-то {На городу -- значит где-нибудь в уездном городе (Прим. автора).}. Я поскорее к нему, пока не прослышал. Что ж, сударь ты мой! все и спустил без обороту.

Антип Антипыч. Ну, что ж? как же?

Ширялов. Да двадцать пять копеек! (Смеется.)

Антип Антипыч. Что ты! Вот важно! (Смеется.)

Ширялов. А вот Сенька не таков... нет, сударь ты мой, не таков, не таков... Уж истинно бог в наказание послал. Компанию водит бог знает с кем, так, с людьми, не стоящими внимания (ставит чашку на стол), внимания не стоящими...

Степанида Трофимовна. Выкушайте еще.

Ширялов. Нет, матушка, не могу; увольте, Степанида Трофимовна!

Степанида Трофимовна. Без церемонии.

Ширялов. Нет, матушка, не могу, право, не могу. (Кланяется.)

Степанида Трофимовна. Ну, как хотите. А можно бы еще.

Ширялов. Право, не могу. (Встает и кланяется.)

Степанида Трофимовна. Дарья! убирай чай.

Входит Дарья и убирает чай.

Прощайте, батюшка, Парамон Ферапонтыч!

Ширялов. Прощайте, матушка. (Целуются.)

Степанида Трофимовна. Заходите почаще, не забывайте.

Ширялов. Ваши гости, матушка Степанида Трофимовна, ваши гости.

Антип Антипыч. Да вы, маменька, велели бы нам водочки, што ли, да закусочки, ну да там мадерцы, што ли. Что ж, брат, выпьем. Что за важность!

Степанида Трофимовна уходит.

Ширялов. Ох, не лишнее ли это будет, Антип Антипыч? не лишнее ли?

Антип Антипыч. Что за лишнее! Ничего. Что за важность!

Ширялов. Так вот, сударь ты мой, дома не живет, в городе не бывает. Что ему город! Он, сударь, и знать не хочет, каково отцу деньги-то достаются. Пора бы на старости мне и покой знать; а расположиться, сударь ты мой, не на кого. Вот недавно сам в лавку сел, а уж лет пятнадцать не сидел. Дай-ка, думаю, покажу разиням-то своим, как торговать-то следует. Что ж, сударь ты мой... (Подвигается.)

Приносят вина.

Антип Антипыч. Ну-ка, выпьем, брат! (Пьют.)

Ширялов. Завалялась у нас штука материи. Еще в третьем году цена-то ей была два рубля сорок за аршин. А в нынешнем-то поставили восемь гривен. Вот, сударь ты мой, сижу я в лавке. Идут две барыни. Нет ли у вас, говорят, материи нам на блузы, дома ходить? Как, мол, не быть, сударыня. Достань-ка, говорю, Митя, модную-то. Вот, говорю, хорошая материя. А как, говорит, цена? Говорю, два с полтиной себе, а барыша, что пожалуете. А вы, говорит, возьмите рубль восемь гривен. Слышишь, Антип Антипыч, рубль восемь гривен? Помилуйте, говорю, да таких и цен нет. Стали торговаться: два рубля дают. Слышишь, Антип Антипыч, два рубля! (Смеется.) Да вам, говорю, много ли нужно? Да, говорит, аршин двадцать пять. Нет, говорю, сударыня, несходно. Извольте всю штуку брать, так уж так и быть, по два рублика, говорю, возьму. А я, сударь ты мой Антип Антипыч, боюсь шевелить-то ее (смеется), шевелить-то боюсь. Кто ее знает, что там в середке-то! может быть, сгнила давно. Что ж, мои барыни потолковали, да и взяли всю штуку. Молодцы-то мои так и ахнули. (Смеется.)

Антип Антипыч. Молодец, Парамон Ферапонтыч! Вот молодец! Ну-ка, брат, выпьем. (Пьют.)

Ширялов. А вот Сенька-то не таков, не таков, сударь ты мой (вздыхает), вовсе не таков. Это повадился в театр, то есть каждый день, сударь ты мой! Всех-то он там знает, со всеми знаком, всякая сволочь к нему таскается. Да что! Прихожу я как-то к Остолопову. Отдай, говорит, деньги. Какие, мол, деньги? А за шаль, говорит. За какую шаль? Да, говорит, намедни твой сын взял. Я думаю себе, на что ему шаль, ума не приложу. Уж известно, от него не добьешься; стал сторонкой расспрашивать. Что ж, сударь ты мой! какая-то там актриса у него.

Антип Антипыч. Что ты!

Ширялов. Вот поди с ним! Уж это, примерно, последний конец, Антип Антипыч! Не зови своим.

Антип Антипыч. Это, Парамон Ферапонтыч, значит, пора женить; вот что, брат! малого-то женить пора.

Ширялов. Нет, Антип Антипыч, погоди. Ты вот что скажи: ведь уж это, брат, последний конец. Ведь это, словно как решето. Вот теперь шаль, а там скажет -- салоп соболий, а там квартиру, мебель всякую, а там лошадей пару, то, другое. Яма бездонная!

Антип Антипыч. Уж известное дело.

Ширялов. А уж человек-то, Антип Антипыч, кругом них как слепой сделается. Этот народ, Антип Антипыч, соблаз просто.

Антип Антипыч. Что говорить! сам не свой человек сделается. Одно, брат, средство: женить поскорей.

Ширялов. Легко сказать, Антип Антипыч, женить; да как ты его женишь-то?

Антип Антипыч. Как женить! Уж известно, не связать же. А вот невесту подыскать с капиталцем, знаешь ли, так, небось, не откажется. Отчего не жениться? Всякому лестно. Что за важность!

Ширялов. Да какая за него пойдет! какая сумасшедшая пойдет за него, за такого беспутного!

Антип Антипыч. А что ты думаешь, побрезгают? Нет, ничего, право слово, ничего. Да у нас, брат, холостые-то сплошь да рядом такие. Помнишь, каков я-то был холостой: и пьяница-то, и гуляка-то, и на всякие художества; батюшка-покойник так и рукой махнул. Да ведь мы театров-то, друг, не знали: у нас закатился в Марьину либо к цыганам в Грузины, да и пьянствуешь недели две беспросыпу. Меня в Преображенском фабричные за девку было до

смерти убили. Вся Москва знала. Да вот отдали же за меня Матрену-то Савишну. Нет, это, брат, ничего, нужды нет.

Ширялов. Да, отец родной, что ты говоришь: женить, да невесту с капиталом. Да, голубчик ты мой, он теперь без денег-то вертится как угорелый; а попадись ему деньги-то, так он такой кранболь сделает - только пшик, да и все тут, как порох.

Антип Антипыч. В оборот пустит! (Смеется.)

Ширялов. Нет, а уж я думаю, сударь ты мой, его в газете опубликовать. Вот, дескать, сыну моему от меня никакого доверия нет, долгов за него не плачу и впредь не намерен. Да и подпишу: мануфактур-советник и временно московский 1-й гильдии купец Парамон Ферапонтов сын Ширялов.

Антип Антипыч. Что ж. Ничего. Можно.

Ширялов. Да уж чтоб ему, беспутному, и после-то меня не доставалось, сам я, Антип Антипыч, жениться задумал.

Антип Антипыч. Что ж! Ничего! дело хорошее! Отчего ж не жениться.

Ширялов. Ведь, может быть, за наши молитвы, Антип Антипыч, бог и потомка даст -- утешение на старости. Вот тому все и оставлю. А уж этот мне словно как и не родной, сударь ты мой, и сердце к нему не лежит. Что ж, думаю, оставь ему, пожалуй, да что проку? развезет денежки-то твои кровные по портным да по актрисам. Сам посуди!

Антип Антипыч. Что ж, женись, Парамон Ферапонтыч! что за важность! ничего. А на примете есть?

Ширялов. То-то и горе, что нет, Антип Антипыч!

Антип Антипыч. Хочешь, посватаю? Ну-ка выпьем сперва. (Пьют.)

Ширялов. Да ты вправду?

Антип Антипыч. Вправду. Что ж, отчего не посватать?

Ширялов. Обманешь! (Смотрит Пузатову в глаза.)

Антип Антипыч. Вот! из чего мне обманывать? У меня, брат, не далеко ходить: сестра невеста.

Ширялов. Ой ли! Что ты говоришь?

Антип Антипыч. А ты не знал? Скажи, пожалуйста, какой ты простой!

Ширялов. Ах, голубчик, как не знать! (Потупляет глаза.) Да ведь она, чай, не пойдет за меня.

Антип Антипыч. Вот! отчего не пойти? Ничего, пойдет.

Ширялов (потупляет глаза еще больше). Скажет, стар.



Антип Антипыч. Стар? что за важность! ничего! Нет, ничего, пойдет. Да и матушка тебя любит. Что ж, известное дело, человек хороший, степенный: отчего не пойти?.. во хмелю смирный. Ведь ты смирный во хмелю? не дерешься?

Ширялов. Вовсе смирный, Антип Антипыч, как дитя малое. Как пьян, так сейчас в сон, знаешь ли, ударит, а не то чтобы буйство какое.

Антип Антипыч. Ведь с женой-покойницей не дрался?

Ширялов. Видит бог, никогда.

Антип Антипыч. Что ж, отчего за хорошего человека не пойти? Ничего, пойдет. Присылай сваху... Ну-ка, выпьем на радости. (Пьют.)

Ширялов. Да ты просто благодетель мой, Антип Антипыч! А знаешь ли что? вот мы, брат, здесь пить-то начали, так пойдем ко мне допивать. У меня, брат, просторнее, баб-то нет, да фабричных песенку спеть заставим.

Антип Антипыч. Ходит! Ну, ступай, распоряжайся; а я только шапку возьму. (Ширялов уходит.)

Антип Антипыч. (Один. Мигает глазом.) Экий вор мужик-то! Тонкая бестия. Ведь каким Лазарем прикинется! Вишь ты, Сенька виноват. А уж что, брат, толковать: просто на старости блажь пришла. Что ж, мы с нашим удовольствием! Ничего, можно-с! Только, Парамон Ферапонтыч, насчет приданого-то, кто кого обманет -- дело темное-с! Мы тоже с матушкой-то на свою руку охулки не положим... (Уходит.)

Матрена Савишна (входит разряженная; за ней Дарья). Что, ушел Антип Антипыч?

Дарья. Ушел-с.

Матрена Савишна. Ну, загулял теперь! Экое наказание! теперь пропадет дня на три.

Марья Антиповна (входит разодетая). Ну, сестрица, поедемте. Знаете ли, куда я отпросилась?

Матрена Савишна. Куда?

Марья Антиповна. В Симонов к вечерне!

Хохочут и уходят.

